

Распутин В. Г. Избранные произведения в 2-х т. Т. 2. Живи и помни. Прощание с Матёрой. Рассказы. М.: Мол. гвардия, 1984.

Salnikova A. R. "Burnout" of the nest in the stories of I. A. Bunin "Sukhodol" (1911) and V. G. Rasputin "Farewell to Matera" (1976)

I. A. Bunin represented himself as the last classic of Russian literature. He had a literary dialogue with I. S. Turgenev, F. M. Dostoevsky, L. N. Tolstoy, A. P. Chekhov and others. V. G. Rasputin believed that I. A. Bunin was one of his teachers. «Sukhodol» and «Farewell to Matera» similar ideas and stories. In the novels there is a phenomenon of the dying homeland. The younger generation of novels finds a new homeland. The old generation of novels is dying.

Keywords: I. A. Bunin, V. G. Rasputin, «Sukhodol», «Farewell to Matera», homeland

Ю. С. Ползунова,
Уральский федеральный университет,
Екатеринбург, Россия,
научный руководитель Н.В. Пращерук

Путешествие как ключевой мотив романа И.А.Бунина «Жизнь Арсеньева»

Аннотация: *В статье представлен анализ путешествия как ключевого мотива в финальном романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева». Травелоговая ситуация рассматривается на структурно-сюжетном и символическом уровнях художественной системы. Уточняются представления о жанровом содержании произведения, выявляются связи с жанром паломнического путешествия*

Ключевые слова: *путешествие, мировоззрение, Бунин, символика, жанр, паломничество*

Путешествие – частотная тема в творчестве И.А.Бунина, а травелоговая ситуация (то есть ситуация путешествия), по словам исследователя К.В.Анисимова: «не являлась ни частным моментом жанровой системы, ни эпизодом в писательской биографии» [Анисимов, 2013: 466]. Бунин много и часто путешествовал. Ситуация путешествия отразилась в его циклах очерков «Тень птицы» (1907–1911), «Воды многие» (1911–1926), «Странствия» (1930), или «Под серпом и молотом». Все они посвящены разным локусам, обращены к разным культурным традициям и отличаются по форме, но в основе каждого из них лежит ситуация путешествия. Причины, согласно которым мы связываем вершинное произведение писателя – роман «Жизнь Арсеньева» – с травелогами, возможно, не столь очевидны. Путешествие хоть и не является сюжетообразующей темой романа, но проявляется на разных уровнях произведения. Давайте рассмотрим некоторые из них.

На сюжетном уровне ситуация путешествия в романе «Жизнь Арсеньева» является одной из самых распространенных. Не имеет особого смысла перечислять все эти фрагменты, обратим внимание лишь на некоторые особенно важные эпизоды. Первое упоминание о путешествии звучит уже в самом начале романа, буквально в третьей главе, при описании детства героя: «Из этих событий на первом месте стоит мое первое в жизни путешествие, самое далекое и самое необыкновенное из всех моих последующих путешествий», [Бунин, 1984: 342]. Речь идет о первой поездке героя в ближайший город, в котором, казалось бы, самые незначительные детали, такие как запах ваксы и новые сафьяновые сапожки, которые купили маленькому Арсеньеву родители, «необыкновенно скучный желтый дом» – острог, расположенный на выезде из города, – все это поражает воображение героя. Впечатления о первом путешествии словно предрекает дальнейшую судьбу героя, жизнь которого оказалась связанной с поездками и странствиями, желанными и вынужденными.

В произведении встречаются не только реальные путешествия, но и мечты о них, вызванные тягой к неизвестному, к далеким, кажущимся идеальными мирам: «А в каретном сарае стояли беговые дрожки, тарантас, старозаветный дедушкин возок; и все это

соединялось с мечтами о далеких путешествиях, в задке тарантаса был необыкновенно занятый и таинственный дорожный ящик, возок тянул к себе своей старинной неуклюжестью и тайным присутствием чего-то оставшегося в мире от дедушки, был непохож на что-то теперешнее» [Бунин, 1984: 349].

При этом мечты о путешествиях отмечены знаком особого переживания жизни, или предвкушением этого переживания. Так, в эпизоде, связанном с похоронами мужа сестры, герой переживает острое чувство жизни: «И во всем была смерть, смерть, смешанная с вечной, милой и бесцельной жизнью /.../ И в душе моей вдруг зазвучала какая-то несказанно сладкая, радостная, вольная песня каких-то далеких, несказанно счастливых стран...» [Бунин, 1984: 416]. В последних главах романа в рефлексии героя-повествователя кратко подведен итог этим детским и юношеским переживаниям о путешествиях: «Люди постоянно ждут чего-нибудь счастливого, интересного, мечтают о какой-нибудь радости, о каком-нибудь событии. Этим влечет и дорога. Потом воля, простор... новизна, которая всегда празднична, *повышает чувство жизни*, а ведь все мы только этого и хотим, ищем во всяком сильном чувстве» [Бунин, 1984: 536]. Из этого следует, что причина тяги к странствиям, путешествиям – это то, что они «повышают чувство жизни», то есть обостряют восприятие, заставляют взглянуть на мир другими глазами, видеть привычные вещи как уникальные.

О. В. Сливицкая рассматривает «повышенное чувство жизни» как первичное начало всего художественного мира Бунина и как ядро его мировоззрения в целом [Сливицкая, 2004: 10]. По этой причине травелоговая ситуация в творчестве И. А. Бунина требует особого более подробного изучения.

Во второй части произведения тема путешествия сопровождается совершенно иной интонацией. В тексте находим: «И вскоре я опять пустился в странствия. Был на тех самых берегах Донца...» [Бунин, 1984: 474], «Впоследствии, без конца скитаясь по свету...» [Бунин, 1984: 475], «Те весенние дни моих первых скитаний были последними днями моего юношеского иночества» [Бунин, 1984: 482]. Так, мы наблюдаем, как мотив путешествия перерастает в мотив скитальчества. Согласно Толковому словарю живого великорусского языка Владимира Даля «Скитаться – вести скитальную, скитальческую жизнь, бродить, странствовать, переходить с места на место, без коренного жительствова, оседлости; шляться, шататься, бродяжить» [Даль, 1882: 201]: идея бродяжничества, содержащаяся в лексическом значении глагола скитаться, подкрепляется словами героя, обращенными к Лике: «Были такие казаки, которые назывались «бродниками», – от слова бродить. Вот, верно, и я бродник» [Бунин, 1984: 537]. Эта перемена, смена акцентов в лексическом значении, на наш взгляд, определяет зону авторского присутствия, в связи с этим было бы интересно проследить, как воплощается и развивается мотив странничества и скитальчества в других произведениях Бунина.

Тема странствий проявляется не только на сюжетном уровне и в рамках мотивной структуры, но и на уровне жанра и символики. Необходимо отметить, что ближе к заключительным главам мотив странствий выдвигается на первый план, однако уже не на уровне сюжета. Он как бы прорастает в самую глубь художественного текста, воплощается на уровне символики и приобретает бытийный смысл. В лирических отступлениях, в рефлексии повествователя мы находим следующие размышления: «То чувство, с которым я вошел в вагон, было правильно – впереди ожидал меня и впрямь немалый, *небудничный путь, целые годы скитаний*, бездомности, существования безрассудного и беспорядочного, то бесконечно счастливого, то глубоко несчастного, словом, всего того, что, очевидно, и подобало мне и что, быть может, только с виду бесплодно и бессмысленно...» [Бунин, 1984: 458]. Эти слова относятся к конкретным событиям, но уже в них путь, скитание звучит как метафора, связанная с сущностным представлением о человеческой жизни: «Идея пути издавна вошла в культуру и стала здесь одним из самых всеобъемлющих образов (путь – странствие, путь – течение жизни)» [Гуминский, 1987: 144]. Далее этот образ развивается, подкрепляется цитатами из Священного Писания и обращением к библейским сюжетам. Рассмотрим эпизод:

Брат Николай:

– *Итак, мой друг, романтическое существование твое благополучно продолжается. Все по-прежнему: «Несет меня лиса за темные леса, за высокие горы», – а что за этими лесами и горами – неведомо /.../*

– *Всякого несет какая-нибудь лиса. А куда и зачем, конечно, никому неизвестно. Это даже в Писании сказано: «Иди, юноша, в молодости твоей, куда ведет тебя сердце твое и куда глядят глаза твои!» [Бунин, 1984: 490]*

В этом фрагменте первых глав заключительной книги герой еще не обрел смысл своего пути, пока жизнь для него все еще представляет собой скитание. Но уже здесь молодой Арсеньев, с опорой на Библию, стремится найти ту цель, которая придаст смысл его странствиям.

И далее мы видим, как герой в мыслях о написании автобиографии вновь через библейский сюжет приходит к важной для него идее:

«Верю Авраам повиновался призыванию идти в страну, обещанную ему в наследие, и пошел, не зная, куда он идет...» Да, не зная! Вот так же, как и я! «Верю повиновался призыванию...» Верой во что? В любовную благодать божьего веления. «И пошел, не зная куда...» Нет, зная: к какому-то счастью, то есть к тому, что будет мило, хорошо, даст радость, то есть чувство любви – жизнь... Так ведь и я жил всегда – только тем, что вызывало любовь, радость... [Бунин, 1984: 518]

Итак, в первых главах путешествие – это самое важное событие, которое приносит новые впечатления, обостряет восприятие жизни. Затем путешествие-поездка переросло в мечтания о далеких странствиях по чужим землям. Далее путешествие представлено как бесцельное странствие, а в конце книги путешествие-скитальчество превращается в паломничество, обретает особый смысл: жизнь человека – духовный путь исканий и странствий. Не случайно здесь появляются отсылки к библейским сюжетам, а свое детство повествователь сравнивает с иночеством: «Наследие рода моей матери, ее благословение мне на *жизненный путь*, на исход в мир из того подобия иночества, которым было мое детство, отрочество, время первых юных лет, вся та глухая, сокровенная пора моего земного существования, что кажется мне теперь совсем особой порой его, заповедной, сказочной, давностью времени преобразенной как бы в некое отдельное, даже мне самому чужое бытие...» [Бунин, 1984: 521].

Связь с жанром паломничества отмечена и в других произведениях Бунина, в частности, в уже названных нами циклах очерков «Тень птицы», «Воды многие» и «Странствия». В романе «Жизнь Арсеньева» эта связь прослеживается не только на жанровом уровне. В дневниках писателя сохранилась следующая запись о замысле романа: «*Весь день за письм. столом – переписывал итинерарий своей жизни и заметки к продолжению “Арсеньева”*», [Бунин, 1982: 119]. Отметим, что итинерарий – жанр латинской литературы, представлял собой описание паломничества христиан к святым местам. Так, идея паломничества является одной из смыслообразующих идей романа, а травелоговая ситуация – связующим звеном в произведении. И в целом, сама ситуация воображаемого в воспоминаниях возвращения героя на родину после эмиграции (чем является роман «Жизнь Арсеньева») становится символическим паломничеством.

Таким образом, в романе «Жизнь Арсеньева» прослеживается развитие мотива путешествия, трансформация его от идеи путешествия до странничества, скитания к идее паломничества и глобальному представлению о жизни человека как о духовном пути. Ситуация путешествия не только отражается на сюжетном, жанровом, символическом уровнях произведения, но и лежит в основе авторского замысла и является одной из ключевых точек романа.

Литература

Анисимов К.В. «Итинерарий жизни». Восточные травелоги И.А. Бунина: специфика авторского сознания и нарратива // Россия – Италия – Германия: литература путешествий.

Коллективная монография / Науч. ред. О.Б. Лебедева. Томск: Изд-во ТГУ, 2013. – С. 466–484.

Бунин. И.А. Избранные сочинения / И. А. Бунин. – Москва: Худож. лит., 1984. – 750 с.

Бунин И. А. Устами Буниных. Т. 3. / И. Бунин, В. Бунина. – Франкфурт-на-Майне, 1982. – 119 с.

В. М. Гуминский Открытие мира, или Путешествия и странники / Гуминский В. М. – Москва: Современник, 1987. – 286 с.

Сливицкая О.В. «Повышенное чувство жизни» : Мир Ивана Бунина / О.В.Сливицкая. – Москва : Российск. гос. гуманит. ун-т, 2004. – 270 с.

Толковый словарь живого великорусского языка: 4 т. / В. И. Даль. – Санкт-Петербург, Москва : Тип. М.О. Вольфа, 1882. – 712 с.

Polzunova I. S. The travelling as a principal motive in the novel by I. A. Bunin «The Life of Arseniev»

The article gives a detailed analysis of travel situation in «The Life of Arseniev» by Ivan Bunin. Travel situation is considered at level of the plot and symbolic level. The article is dealt with a genre specificity of the literary text and it is examined connections with the genre of pilgrimage.

Keywords: travel, world outlook, Ivan Bunin, symbolic, genre, pilgrimage.

В. В. Филимонова,

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия,

научный руководитель Н.В. Пращерук

«Прапамять» в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева»

Аннотация: В статье исследуется, как разворачивается в романе И.А. Бунина тема прапамяти. Выявляется сквозной характер этой темы, прошедшей через все творчество писателя (отражена в лирических и прозаических произведениях). В работе охарактеризованы основные типы прапамяти в романе «Жизнь Арсеньева». Анализ ведется в соотношении с художественной философией И.А. Бунина в целом, в единстве с другими ключевыми мотивами творчества

Ключевые слова: *И.А. Бунин, роман «Жизнь Арсеньева», тема прапамяти*

В традиционном представлении память – это события прошлого, которые хранятся в сознании человека. Однако если обратиться к толковому словарю живого великорусского языка В.И. Даля, то можно увидеть следующее значение: «Память – свойство души хранить, помнить сознание о былом» [Даль 2006: 14]. Именно такую память или же прапамять (термин Ю. Мальцева) развивает в своем творчестве И.А. Бунин.

Прапамять – это особое состояние души, поскольку происходит акт возрождения себя путем «припоминания» прежних жизней; это преодоление существующего времени и выход из него в некий универсальный план – план Всебытийности, в котором сосредоточена вся человеческая память. В свете такого представления прапамять следует осмыслять как онтологическую категорию, «в которой материальное и духовное сливаются, то есть память разрушает не только время, но и пространство, делает зыбкими и условными формы, телесность» [Мальцев 1994: 9]. Примечательно, что «генетическая» память всегда пребывает в героях бунинских произведений, но проявляется в определенные моменты в виде сиюминутных вкраплений, внезапных образов и картин. Тем не менее, эти видения воспринимаются героями как что-то давно известное, пережитое и глубоко прочувствованное: «Для Бунина не столько важно высказать мысль о «преодолении времени», сколько необходимо передать ощущение, чувство того, как «время начинает таять», передать эмоциональное ощущение связи поколений или связи времен и происходящей отсюда обостренной радости жизни» [Аверин 2001: 659].